

«ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» НИКИТЫ ПРЕЙСА

В середине 1960-х годов в московском театре Современник состоялась премьера «Обыкновенной истории» А. И. Гончарова в инсценировке Виктора Розова. Пьеса имела ошеломительный успех и была удостоена Государственной премии. А спустя десять лет, в 1975 году в Киеве, в студии республиканского общества слепых, тот же роман был целиком записан на пленку актером Никитой Николаевичем Прейсом. И эта работа, кроме узкого круга лиц, кому она была непосредственно предназначена, прошла совершенно незамеченной. А магнитофонные пленки на бобинах с копиями этой фонограммы, хранившиеся в библиотеках Всесоюзного общества слепых, от долгого употребления истерлись и в конце концов были списаны. И, возможно, никто бы не помнил сегодня об этой записи, если бы одна ее копия на одиннадцати компакт-кассетах случайно не оказалась в Канаде. Не знаю уж каким ветром занесло ее в библиотеку университета г. Эдмонтон, но именно оттуда, через одного знакомого слависта, попала она в конце концов ко мне во Франкфурт. И после первого же прослушивания, даже не будучи специалистом, я понял, какая это замечательная актерская работа.

Преемственность между постановкой театра Современник и записью Никиты Прейса очевидна: ведь именно благодаря спектаклю возродился в обществе интерес к этому как-то выпавшему из «обоймы» произведению. И, видимо, не случайно книжное издание 1972 года, которым пользовался Прейс, открывается вступительным словом автора инсценировки Розова, и им же предваряется и чтение романа. Но можно ли сравнивать две эти столь разнородные художественные интерпретации? Там – действие в затихшем, переполненном зале, с участием знаменитых артистов – О. Табакова, М. Козакова, Л. Толмачевой, поставленное тогда еще начинающей, но уже громко заявившей о себе Галиной Волчек. Здесь – никому неведомый актер-чтец в полутемной задрапированной студии, сам себе и зритель, и слушатель, и режиссер, не видящий своей аудитории, а, главное, не имеющий никаких шансов на признание и успех за пределами того специфически узкого круга, для которого, что греха таить, вполне сгодился бы и исполнитель попроче, лишь бы складно и ладно умел озвучить лежащий перед ним текст. И при всем том такая самоотдача!

Вообще, моноспектакль перед микрофоном это высший пилотаж актерского мастерства. И потому, что ты един во всех лицах и не можешь опереться ни на реакцию зрительного зала, ни на реплики коллег-актеров. И потому, что из всех средств художественной выразительности в твоем распоряжении только голос, которым ты должен сделать все – и создать иллюзию сценического пространства, и населить его множеством действующих лиц, исчисляемых иной раз десятками. А если записывается какая-то большая вещь, а, тем более, целый роман, работа исполнителя превра-

щается в настоящий марафон, который под силу лишь зрелому, уверенному в себе мастеру.

Как показал М. М. Бахтин, отличительной чертой любого романа является его многоголосие, полифония. И это не только прямая речь действующих в нем лиц. И не только вводимое в роман повествование от имени рассказчика («непрямое говорение»), фрагменты писем и дневников и прочие формы романного обрамления. Это также диалогичность самой авторской речи, преломляемой и сопоставляемой с тем или иным романным персонажем, насыщаемой его специфическими словечками и оборотами и посредством разного рода оговорок и синтаксических экспрессивных приемов (многоточия, восклицательные и вопросительные знаки и т. п.) выражающей авторское к нему отношение.

Таким образом, если при чтении рассказа или небольшой повести, в принципе, возможна (хотя далеко не всегда) какая-то сквозная интонация, то роман для передачи заложенного в нем социального и культурного разноречия требует весьма сложной языковой оркестровки, и Прейс в полной мере показывает себя на высоте этой задачи. Можно даже сказать, что он купается в романной стихии, чувствует себя в ней, как рыба в воде, используя всю свою богатую артистическую палитру. Я не ленился и подсчитал: только прямой речью в «Обыкновенной истории» наделены свыше сорока действующих лиц, в большинстве, конечно, эпизодических, нередко с одной-двумя репликами. И для каждого из них актер находит свою особую краску и свою неповторимую интонацию. Случайных и неорганичных среди них почти нет, за малым, может быть, исключением.

Но, пожалуй, главное достижение Прейса – это центральные персонажи романа, Александр Адуев и его дядя Петр Иваныч. В особенности последний, который и у самого автора получился не в пример ярче и интереснее. И здесь актер достигает поразительного интонационного слияния со своим героем. Это то, что называют чудом искусства, когда художественный персонаж становится для нас столь же зримым и осязаемым, как какой-нибудь близкий родственник или сосед по лестничной площадке. Впрочем, зримы и осязаемы у Прейса и проходные персонажи, вроде какого-нибудь мелькнувшего на минуту дворника или сторожа на разводном мосту. Но здесь другое. Здесь настоящее проникновение во внутренний мир этого русского Штольца, гораздо более живого и полнокровного, чем его, будем уж откровенны, точно по лекалам вычерченный обломовский двойник.

Когда-то Белинский в рецензии на только что вышедший «роман в письмах» Достоевского «Бедные люди» заметил, что как бы ни был прекрасен журнал его героини Вариньки, но по мастерству изложения его нельзя сравнить в письмами Макара Девушкина. «Заметно, – добавляет критик, – что автор тут был не совсем, как говорится, у себя дома». Так вот, обживая изнутри образ Петра Адуева, Никита Прейс чувствует себя именно как дома. И, следуя за ним из «комнаты» в «комнату», мы тоже поддаем под обаяние той естественной непринужденности, с которой он шаг за шагом раскрывает неповторимое своеобразие этого истинно русского характера. И, быть может, главное, что пленяет нас в его Петре Иваныче, это его бесподобная ирония (которой, кстати, начисто лишен безупречный Штолец), иногда разящая, чаще ворчливо-добродушная, которая помогла ему выстоять в нелегкой борьбе за

место под солнцем, а потому и неотрывная от всей его выстраданной жизненной философии.

Эта философская система Петра Ивановича – своего рода идейное зерно романа – включает свод его любимых жизненных правил, которыми он так охотно, не жалея драгоценного времени, делится со своим племянником, что невольно закрадывается подозрение: а не для того ли вообще нужен автору Александр Адуев, чтобы дать возможность высказаться своему дяде. Однако диалоги дяди и племянника действительно принадлежат к числу наиболее захватывающих мест моноспектакля. «Некоторые жаловались, – писал Белинский, – на длинноту и утомительность разговоров между дядею и племянником. Но для нас эти разговоры принадлежат к лучшим сторонам романа». «Правда, – добавляет он, – в такого рода разговорах, особенно при легком, дидактическом колорите, наброшенном на роман, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тем больше чести г. Гончарову, что он так счастливо решил трудную самую по себе задачу и остался поэтом там, где так легко было сбиться на тон резонера». И все это в полной мере можно отнести и к автору аудиоверсии.

Нельзя, однако, не обратить внимания вот на какой нюанс. У Белинского даже не возникает сомнений относительно того, кто является главным действующим лицом «Обыкновенной истории». Про Петра же Ивановича он пишет: «Это лицо введено в роман не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностью с героем романа лучше оттенить его». Но Прейс смело смещает акценты и абсолютно правильно делает. Потому что трезвый и ироничный дядя для нас конечно же интереснее, чем его ходульно-романтический племянник. А сама его философская система во многом предвосхищает художественные открытия Льва Толстого, так же сбрасывавшего флер с надуманных человеческих отношений и показывавшего людей такими, как они есть, а не такими, какими хотели бы казаться.

«Мой главный герой – правда», любил повторять Толстой. И как это точно перекликается со словами Адуева-старшего, когда он обороняется от нападков жены и племянника, обвиняющих его в заземленном взгляде на мир человеческих чувств и страстей. «Как! правда, что надо больше рассуждать, нежели чувствовать? – допытывается у него жена Лизавета Александровна. – Не давать воли сердцу, удерживаться от порывов чувства? <...> Не надеяться ни на чью преданность, верить, что любовь должна кончаться охлаждением, изменой или привычкой? что дружба привычка? Это все правда?» «Это была всегда правда, – спокойно отвечает ей Петр Иванович, – только прежде не хотели верить ей, а нынче это сделалось общеизвестной истиной». А на вопрос: «Любишь ли ты людей?» честно признается: «Я привык к ним». (А любил ли людей Толстой? Исследуя этот вопрос в своем эссе «Загадка Толстого», Марк Алданов приходит к выводу, что не столько любил, сколько знал, а это, согласитесь, не одно и то же).

«Петр Иванович эгоист, холоден по натуре, неспособен к великодушным движениям, – пишет Белинский, – но вместе с этим он не только не зол, но положительно добр. Он честен, благороден, не лицемер, не притворщик, на него можно положиться, он не обещает, чего не может или не хочет сделать, а что обещает, то непременно сделает. Словом, это в полном смысле порядочный человек, каких, дай Бог, чтоб

было больше». И эта характеристика как нельзя лучше отвечает образу, созданному Никитой Прейсом.

Нельзя не сказать нескольких слов и о женских персонажах романа, тем более что некоторые из них можно отнести к числу особо удачных художественных находок артиста. Это прежде всего возлюбленная Александра Наденька Любецкая, а также ее мать Марья Михайловна и мать Александра Анна Павловна Адуева. «К особенностям его (Гончарова) таланта, – говорится у Белинского, – принадлежит необыкновенное мастерство рисовать женские характеры. Он никогда не повторяет себя, ни одна его женщина не напоминает собою другой, и все, как портреты, превосходны». И точно так же неповторимы и запоминаемы они и у Прейса, благодаря точности и яркости актерского рисунка.

Несколько сложнее вынести какое-то единое суждение о втором центральном герое романа Александре Адуеве. Есть главы сыгранные (прочитанные) как бы на одном дыхании, в которых описывается история его взаимоотношений с Наденькой Любецкой. Есть места и послабее. Но если присмотреться внимательней, то окажется, что почти все они не слишком удались и Гончарову. Увы, банальность и ходульность этого персонажа оборачивается порой банальностью и ходульностью его авторского изображения, а некоторые используемые при этом штампы, пространность и многословие поневоле вызывают раздражение и коробят. Что делать, Гончаров, как заметил Белинский, талант замечательный, но не первостепенный, и художественная интуиция ему иногда изменяет. Так что не вина исполнителя, если он не все сумел вытянуть из того, что не сложилось и у самого автора.

* * *

Но, вероятно, читателя давно уже занимает вопрос: кто же он такой этот Никита Прейс, по адресу которого было употреблено столько превосходных эпитетов? И почему это имя не встречалось ему раньше? Признаться, вопрос этот сильно интриговал и меня, когда я приступал к своему журналистскому поиску. Тем более, что ни в Союзе театральных деятелей, ни в кругу моих знакомых – в прошлом завязанных киевских театралов (а запись «Обыкновенной истории», напомним, была осуществлена в Киеве) никто никогда не слышал про такого артиста. А в присланной мне фонограмме, кроме фамилии и имени, никаких сведений о нем не содержалось.

Оставалось обратиться к помощи интернета. «Статистика, – как писали когда-то Ильф и Петров, – знает все». То же самое можно теперь сказать и про всемирную сеть. Однако и там, несмотря на множество разных Прейсов, человек с таким именем отсутствовал. Позднее я понял, почему, а в тот момент готов был уже поставить на своих поисках крест. Не стану утомлять читателя рассказом о том, как вышел я в конце концов на пасынка Никиты Николаевича Виктора Кондырева, давным-давно переселившегося в Париж вместе с новым мужем своей матери писателем Виктором Некрасовым. Скажу лишь, что только по прочтении электронного письма из Парижа открылась мне во всей своей глубине трагическая судьба этого самобытного артиста-самородка, родившегося в 1916 г. в Петербурге, умершего в 1977 г. в Киеве, а

между двумя этими датами успешного пройти войну (в химических частях – он был по образованию химик), послужить в ансамбле Северного морского флота и Северо-Кавказского военного округа, а перейдя затем на профессиональную сцену, исколесить юг России и Украины, но так и не вышедшего ни на одни столичные подмостки.

Но не потому, что не имел за плечами театрального образования. Ведь известно немало примеров, когда звездами первой величины становились люди, не прошедшие никакой театральной школы. И даже великий Смоктуновский, не проучившийся и двух лет в студии при Красноярском драматическом театре, откуда он был выгнан за свой независимый нрав, с точки зрения чиновников тогдашнего минкульта был недоучкой, да еще человеком с сомнительным прошлым (месячное пребывание в плену). Так что на пути к столичной сцене ему пришлось пережить еще восемь лет скитаний по периферийным театрам Норильска, Махачкалы, Сталинграда, в итоге которых недолго было и сломаться.

Да, принято считать, что большой талант непременно пробьется и сам и что ему вовсе не обязательна какая-то помощь и протекция. Однако я больше склонен верить поэту Льву Озерову, сказавшему когда-то:

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

А ведь актер – самая зависимая профессия, в особенности когда у него нет еще громкого имени. И не он выбирает роли – его выбирают. А для того, чтобы подняться на достойную твоего таланта орбиту, требуется еще и везение, случай, счастливое стечение обстоятельств. Смоктуновскому, слава богу, повезло: кто-то заметил, кто-то порекомендовал, и вот уже первая большая роль в фильме «Соладаты», а за ней приглашение в БДТ на роль князя Мышкина. Но ведь он – лишь верхушка айсберга. А сколько его менее удачливых собратьев так и сгнуло в волнах провинциальной российской глубинки только потому, что им не повезло.

Но это к слову. История же Никиты Прейса скорее приводит на память героя фильма Валерия Приемыхова «Штаны», где роль отставного провинциального актера Базанова с угадываемым незаурядным талантом и несложившейся трагической судьбой блистательно сыграл Юрий Яковлев. Собственно, это о таких, как Прейс. А знаменитая реплика из фильма – «наши актеры вообще лучшие в мире; только гении могут играть такие тексты» – дает более чем ясное представление о том, с каким материалом приходилось иметь дело там, в глубинке, Базанову и его коллегам (в Москве и Ленинграде ситуация была все же чуть получше).

Увы, добрая половина сценической жизни Никиты Прейса – конец 1940-х и 1950-е годы – пришлась на время именно таких «текстов». Выручала классика. Только она помогала артисту не растерять квалификации и сохранить чувство самоуважения. К тому же, несмотря на отсутствие специального образования, Прейс и сам ставил спектакли классического репертура. И этот его режиссерский опыт очень, кста-

ти, чувствуется, когда слушаешь «Обыкновенную историю». Говорят, что в 1961-62 гг. он приезжал из Кривого Рога в Киев на прослушивание в Театр русской драмы, понравился и был почти уже принят. Но... для своего дебюта потребовал роль Феди Протасова, которого до этого не играл, хотя, видимо, держал в мечтах и внутренне был к нему готов. Подобное расценили как дерзость, поскольку в театре работал еще сам Михаил Романов, легендарный исполнитель этой роли, и приглашения так и не последовало.

Как не вспомнить в этой связи Смоктуновского. Ведь настоящий талант не может не чувствовать потребности в самоутверждении, а, значит, не быть в той или иной мере амбициозным. Но надо все же уметь отличать амбицию, питаемую ключом таланта, от беспочвенных претензий бездарности. Вот так был упущен этот его последний шанс, после чего жизнь словно бы покатила под горку.

В 1964 году родители Виктора Кондырева развелись, а вскоре, оставшись один, Никита Николаевич переехал из Кривого Рога в Киев, вероятно тая надежду вернуться в прежнюю, оставленную им семью, где у него была уже взрослая дочь. Но надежды эти, к сожалению, не оправдались. Неизвестно, почему не захотел он попытаться счастья в Ленинграде, ведь он был потомственный петербуржец из знаменитой семьи архитекторов – дед и прадед были академиками архитектуры, и некоторые их дома, в частности, Президент-отель на Малой Невке, сохранились и по сей день. А, кроме того, в Ленинграде жила его первая жена с сыном Николаем, раз или два приезжавшим к нему в Кривой Рог. Но, видимо, что-то удерживало его на Украине, где прошла лучшая половина его жизни и где он пережил свое рождение как артиста.

Тем не менее он выбрал Киев. Устроился на должность заведующего сценой в только что открывшийся новый Дворец пионеров, руководил там драмкружком и подрабатывал в студии общества слепых, начитывая целые книги русских классиков. Однако подрабатывал, пожалуй, не совсем точно – работал, вкладывая в это дело всю душу, что хорошо видно на примере «Обыкновенной истории». В эти последние десять лет спутницей его жизни стала слепая женщина, с которой он состоял в гражданском браке. Причем неизвестно, что чему предшествовало – этот его необычный союз или начало работы в студии общества слепых.

Но никуда было не деться от непроходящей тоски, выставлявшей свой счет за бездарно растроченные годы, и он глушил ее хорошо всем известным лекарством. Впрочем, как пишет Кондырев, выпивал он уже и раньше, что не могло не сказываться на его актерской и, особенно, режиссерской карьере. На карьере – возможно, но не на свежести и зрелости таланта, свидетельством чему дошедшая до нас запись, сделанная за год-полтора до смерти. А вот жизнь эта пагубная привычка, вероятно, укоротила: он умер, едва перевалив шестидесятилетний рубеж – слишком рано даже по тогдашним советским меркам...

А в завершение этой статьи мне бы хотелось предоставить слово самому Виктору Кондыреву, которому Никита Прейс заменил когда-то отца. Он поделился по моей просьбе своими детскими воспоминаниями, и эти живые штрихи к портрету позволят, наверное, восполнить то, чего хватает этому короткому изысканию. Вот что писал он в сентябре 2009 года.

Здравствуйте, Игорь!

Еще раз перечитал Ваши вопросы и постараюсь ответить на них, по возможности, обстоятельно.

Никита Николаевич Прейс – мой отчим. Они поженились с мамой в 1945-м, по моему, году, в Ростове-на-Дону, а познакомились в театре Красной Армии, или СКВО (Северо-Кавказского военного округа), где оба работали. Н. П. был туда принят сразу после войны. Войну же он начал в каком-то химподразделении, имел, между прочим, медаль «За оборону Ленинграда». Но затем был откомандирован в ансамбль Северного морского флота и разъезжал по фронтам в составе разных артистических бригад.

В Ростове-на-Дону мы пробыли недолго, переехали затем в Шахты, а потом в Горловку и в Славянск. Мама и он работали актерами, хотя Н. П. поставил за свою жизнь около десятка спектаклей. Каких – точно не помню, кроме, разве «Марии Стюарт» Ф. Шиллера. После Славянска, через московскую театральную биржу, мы попали в Сызрань и прожили там два сезона (1952–1954 гг.). Никита Николаевич работал и как актер, и как разовый режиссер. Что ставил – не помню, кажется всего лишь пару пьес. Осенью 1954 года мы переехали в Кривой Рог, где обосновались надолго. Сколько я помню, он работал там только актером и одновременно сотрудничал на местном радио. А, кроме того, подрабатывал в Обществе по распространению политических и научных знаний, читал лекции, в частности о Маяковском, и, конечно, его стихи. Пописывал в местной газете «Червоний гірник», с главным редактором которой тесно дружил. Городские власти приглашали его режиссировать всякие торжества и праздничные представления.

Никита Николаевич был человеком одаренным, образованным и начитанным. Мне трудно сейчас судить, каким он был актером (я не слишком любил театр, хотя почти все детство и отрочество провел за кулисами), но, по всей видимости, даровитым, с великолепной дикцией и внешними данными. Его обаяние, импозантность, высокий – под метр девяносто – рост обеспечивали ему успех у женщин, да и он не обделял их вниманием... Помню мое восхищение им, когда он готовился дома к лекциям и громко читал мне с душой и «выражением» стихи Маяковского, Багрицкого, Твардовского.

Ко мне, своему пасынку, относился хорошо, я не помню, чтобы он был злобен или тем более враждебен с мной. Правда, бывало, мог и прикрикнуть, когда я заслуживал. Никогда даже не шлепнул, хотя, как понимаете, частенько бывало за что... Помню, как в раннем детстве покорила меня, с легкостью сочиняя стишки на разные случаи моей мальчишечьей жизни. Именно благодаря ему я пристрастился к книгам. Он очень ревностно подкладывал мне интересные и необходимые для моего развития книги. Регулярно, несмотря на мизерную актерскую зарплату, покупал дефицитные книги и подписки. Благодаря нему я до сих пор обожаю читать словари и энциклопедии. «Пойди, – говорил он совершенно не обидным тоном, – и возьми словарь. Там все тебе объяснят».

На работе в театре они с мамой пропадали целыми днями. Утром репетиции, вечером спектакли, часто выездные, до глубокой ночи. А летом – трехмесячные гастроли по всем мыслимым и немыслимым тмутараканьим закоулкам России и Укра-

ины. Но когда были дома, Н. П. охотно общался со мной, брал с собой на прогулки, снабжал советами. Воспитывал, как говорится, за что я ему теперь от души благодарен. В общем, отрочество и начало юности (до поступления в институт) мы, можно сказать, дружили. А в детстве я ему просто подражал, такому красивому, умному и эрудированному.

Развелись они с мамой где-то в 1963–1964 году, дождавшись, кстати, пока я окончу институт и «выйду в люди». Практически в это же время он уехал в Киев. О последнем, киевском периоде жизни Н. П. мне известно, к сожалению, крайне мало. О его смерти сообщила мне моя мама, и после этого я о нем больше ничего не слышал, а маму не спрашивал. Да и она тоже, видимо, мало знала или не хотела вспоминать...

Вот и все, что я могу рассказать о Никите Николаевиче Прейсе. Вероятно, при случае могут всплыть и другие мелочи и подробности, но все это было так давно, так давно...

Фотографию я нашел – конца пятидесятих годов. Завтра-послезавтра пойду к фотографу, пусть сделает копию. Надеюсь выслать ее Вам через неделю.

С уважением,
Ваш Виктор Кондырев.
8 сентября 2009 г., Париж

К сведению читателей: с полной версией романа «Обыкновенная история» в записи Никиты Прейса можно познакомиться в Электронной библиотеке «ImWerden»:
<http://imwerden.de/>